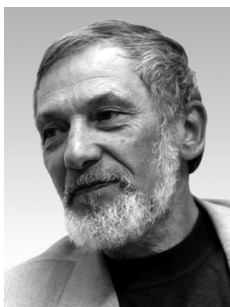

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ЦЕХОВОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

В.М. РОЗИН

Розин Вадим Маркович — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Развивает свое направление методологии, основанное на идеях гуманитарного подхода, семиотики и культурологии. Автор более 300 научных публикаций, в том числе 42 книг и учебников, среди которых: «Философия образования» (1999), «Типы и дискурсы научного мышления» (2000), «Культурология» (1998–2004), «Эзотерический мир. Семантика сакрального текста» (2002), «Личность и ее изучение» (2004), «Психология: наука и практика» (2005), «Методология: становление и современное состояние» (2005), «Мышление и творчество» (2006), «Любовь в зеркалах философии, науки и литературы» (2006).
Контакты: rozinvm@mail.ru

Резюме

В статье анализируются кризисные явления в психологии и обсуждаются особенности работы, направленной на преодоление этого кризиса. В рамках данной тематики характеризуется психологическая реальность и рассматриваются условия ее мыслимости в современной ситуации.

Ключевые слова: реальность, цех, кризис, наука, практика, подход, мышление, коммуникация, онтология, знания, схема, концепция

На ситуацию психологии можно взглянуть по-разному. Сами психологи утверждают, что в их цеху все в порядке и еще никогда психологи не были столь востребованы. Но есть факты, позволяющие усомниться в этой благодатной картине. Действительно, разве психология не распалась на две почти независимые области: на *психологическую науку* и *психологическую практику*, между которыми быстро вырастает настоящая стена непонимания.

«Отечественная психология, — пишет Ф. Василюк, — так резко изменилась

за последнее десятилетие, что кажется принадлежащей к другому “биологическому” виду, чем психология образца 1980 года... Тот, кого всерьез волнует судьба нашей психологии, должен осознавать вполне реальную опасность вырождения ее в третьеразрядную дряхлую и бесплодную науку, по инерции тлеющую за академическими стенами и бессильно наблюдающую сквозь бойницы за бурным и бесцеремонным ростом примитивной, а то и откровенно бесовской, массовой поп-психологии, профанирующей как те достойные направления зарубежной психологии, которые

ими слепо копируются, так и психологию вообще, игнорирующей культурные и духовные особенности среды распространения. Это не какая-то отдаленная опасность. Гром уже грянул» (Василюк, 2003).

«Образование двух *социодигм* — психологических сообществ, занятых преимущественно академической или практической психологией, — отмечают Т. Корнилова и С. Смирнов, — является одним из проявлений этого социального аспекта современной стадии кризиса» (Корнилова, Смирнов, 2008, с. 141).

И не распалась ли научная психология на две противостоящие друг другу психологии: *естественно-научную* и *гуманитарную*? В одной пытаются построить психологические теории по образцу точных наук, подкрепленные экспериментом (правда, пока что-то психологические теории мало похожи на естественно-научные). В другой главные усилия тратятся на то, чтобы построить такое психологическое знание, которое позволяет и себя выразить, и дать выразиться тому, кого изучают. С точки зрения первой психология вторая — это что-то ненаучное. Например, Т. Корнилова и С. Смирнов, с одной стороны, признают, что психология является одновременно естественной и гуманитарной наукой, с другой — фактически отказывают гуманитарной психологии в праве на существование.

«Можно сказать, что сама структура психологического знания доказывает важность сочетания естественно-научных и гуманитарных подходов в исследовании и понимании психики...». Но «А.В. Юрвич... также настаивает на “утешительном для психологии” выводе, что она не имеет сколько-нибудь принципиальных

отличий от естественных наук». «Важно отметить: были названы не отличия *гуманитарной парадигмы* как таковой, а отличительные особенности любой науки на этапе ее неклассического развития, связанные с отказом от классического идеала рациональности... заметим, что концепция наличия особого гуманитарного мышления сегодня очень популярна, хотя и не в силу его особых свойств (таковые не выделены), а, скорее, в силу выявленных ограничений естественно-научных схем объяснения» (Корнилова, Смирнов, 2008, с. 73, 118, 119, 235–237).

Наконец, в психологической науке и в психологической практике имеет место множество концепций и теорий (пожалуй, уже несколько сотен), совершенно по-разному объясняющих психику и поведение человека. Л.С. Выготскому, считавшему в 1927 г. противостояние примерно десятка психологических теорий показателем кризиса психологии, современная ситуация показалась бы чудовищной, подтверждающей его самые пессимистические прогнозы. Что это, спрашивается, за такая наука и практика, допускающая разные способы научного объяснения, чуть ли ни противоположные дискурсы, совершенно разные, тоже часто противоположные методы и способы помощи человеку.

Исторически, как известно, психология складывалась, пытаясь реализовать идеалы естествознания, а также докантовские представления о человеке (Декарт, Локк, Спиноза), и, что интересно, в значительной мере именно эта антропологическая модель до сих пор господствует в психологии. Хотя Л.С. Выготский пытался противопоставить ей

культурно-исторический подход («В основе психологии, взятом в аспекте культуры, — писал он, — предполагались закономерности чисто природного, натурального или чисто духовного, метафизического характера, но не исторические закономерности. Повторим снова: вечные законы природы или вечные законы духа, но не исторические законы» — Выготский, 1983, с. 16), ничего из этого не вышло. Даже гуманитарные представления о человеке, по сути, развивают идеи целостной автономной личности, мыслящей себя, с одной стороны, разумной и свободной, а с другой — обусловленной обстоятельствами и природой.

В то же время понимание человека в XX в. претерпело значительные изменения. Человек рассматривается не только как историческое и социальное существо, но и как *семиотическое, культурное, коммуникативное*. Не только как *единое и целостное*, но и как *постоянно меняющееся, ускользящее от определенных*.

«Мы, — пишут Болтански и Чапелло, — получаем образ человека, если довести его до логического предела, напоминающего античного Протея. Это человек, который не имеет устойчивого лица, может быть, он вообще не имеет общественного лица. Это человек, способный постоянно видоизменяться, он внезапно возникает, выявляется, выныривает из океана хаоса, создавая некую сцепку, встречу в нашей жизни. И так же внезапно исчезает или приобретает новый облик... Таков потолок “жидкой современности”, как часто говорят на Западе. То есть была “твердая современность”, теперь “жидкая современность”, в которой все прошлые понятия растаяли в

потоке хаоса. И само общество стало аморфным, и мы это отлично знаем: после “бархатных революций” в Европе моментально испарились гражданские организации» (по: Малявин, 2006, с. 102, 104, 106).

«Быть и стать самим собой — значит включить себя в сети обсуждения... Мультикультурализм, — пишет С. Бенхабиб, — слишком часто увязает в бесплодных попытках выделить один нарратив как наиболее существенный... Мультикультуралист сопротивляется восприятию культур как внутренне расщепленных и оспариваемых. Это переносится и на видение им личностей, которые рассматриваются затем как в равной мере унифицированные и гармоничные существа с особым культурным центром. Я же, напротив, считаю индивидуальность уникальным и хрупким достижением личности, полученным в результате сплетения воедино конфликтующих между собой нарративов и привязанностей в уникальной истории жизни» (Бенхабиб, 2003, с. 17, 19, 43).

Конечно, с таким пониманием человека психолог может не соглашаться, но трудно отрицать, что это один из существенных трендов современного развития. Вообще знания и исследования о человеке, полученные в современных гуманитарных науках и дисциплинах (культурологии, антропологии, семиотике, герменевтике и др.), все больше выглядят как вызов психологическому пониманию. Вряд ли психология может игнорировать этот вызов.

Не менее серьезные проблемы возникли в области эпистемологии. Если при формировании психологии, когда идеалом науки выступало естествознание, эти вопросы решались однозначно (психологическая

теория должна выявлять сущность психологических явлений и психологические законы), то в наше время все здесь находится под вопросом. Что значит сущность по отношению к психике человека, ведь каждое направление и школа в психологии выявляют и трактуют ее по-разному? Как можно говорить о психологических законах, если психологические явления изменчивы, а границы психологических законов при подведении под эти законы разных случаев постоянно сужаются?

Большинство психологов уверены, что эксперимент дает возможность продемонстрировать следующее: их теоретические построения представляют собой настоящие модели психики. Но не путают ли они модели со схемами? Схема — это не модель. Изучение творчества Галилея показывает: сначала он, думая, что строит модель свободного падения тел, создал именно схему; это быстро доказали его оппоненты. Но затем именно за счет эксперимента Галилей превращает схему в модель, позволяющую рассчитывать и прогнозировать (Розин, 2007, с. 292–308). Модели дают возможность *рассчитывать, прогнозировать и управлять*, а схемы — только *понимать феномены и организовать с ними деятельность*. Построения психологов — это главным образом схемы, позволяющие, с одной стороны, задать феномен (идеальный объект) и разворачивать его изучение, а с другой стороны, действовать практически.

Кстати, именно потому, что психологи создают схемы, психика в разных психологических школах может быть представлена по-разному, в раз-

ных схемах. Онтологическое же основание такой множественности понятно: современная культура допускает разные типы социализации и самоорганизации человека. В результате и стал возможным (некоторых психологов это почему-то удивляет) «человек по Фрейду», находящийся в конфликте с культурой и сексуально озабоченный (разве таких мало в нашей культуре?), «человек по Роджерсу», ориентированный, как бы сказал Т. Шибутани, на согласие (таких еще больше), «человек по Гроффу» — «рерихнувшийся» на эзотерических представлениях (и таких в нашей культуре немало) и т. д.

Единственно правильное научное представление психики было бы возможным, если бы психология напоминала естественную науку. Никто не будет спорить, что есть теории, созданные в рамках естественно-научного подхода (бихевиоризм, гештальт-психология, теория деятельности, теория Курта Левина); они давно вошли в золотой фонд психологии. Наряду с ними существуют психологические теории (В. Дильтей, В. Франкл, К. Роджерс), ориентированные на идеал гуманитарной науки. Есть и теории — и они сегодня множатся как грибы после дождя, — тесно связанные с психологическими практиками, самый известный пример — концепция З. Фрейда. Так вот, науковедческий анализ показывает, что все эти очень разные психологические теории не могут быть строго подведены под идеалы естественной науки, гуманитарной науки, технических наук. Здесь полезно различать реальную работу психологов и формы осознания психологами этой работы, так сказать, «концептуализации»

в психологии. На наш взгляд, между ними в настоящее время большой разрыв (несоответствие).

Мы не отрицаем, что психологи стремятся реализовать в одних случаях естественно-научный подход, в другом — гуманитарный, в третьем — психотехнический или прагматический. Но получается у них совсем другое. Первоначально они создают схемы, с помощью которых описывают проявления интересующих их феноменов, пытаются ответить на вызовы времени (прогнозировать, понять, помочь, воздействовать в нужном направлении и пр.), реализуют себя, свои ценности и убеждения. Затем эти схемы объективируются, т. е. **на их основе создаются идеальные объекты**, которые относятся к той или иной **психологической онтологии** (деятельности, бессознательному, установке и др.).

В результате — новая теория или знание, но вовсе не естественно-научные, или гуманитарные, или психотехнические. Теоретические построения психологов напоминают античную науку, теории которой не требовали экспериментов и математизации, они были нацелены на построение непротиворечивых знаний и решение ряда культурных и личных проблем (Розин, 2007). Однако и под античную науку психологию трудно подвести, поскольку психологи при построении своих теорий сознательно пытаются провести идеалы естествознания, гуманитарной или социальной науки. Нужно еще думать, как назвать такой тип научного знания. Для него характерны установки на эмпирическое научное изучение, сочетание естественного и

искусственного подходов, особые отношения с практикой.

Исследования, проведенные «Шаболовским психологическим семинаром», показывают: то, что психологи называют психологическим знанием, включает в себя, по меньшей мере, три разных эпистемологических и семантических образования: собственно *научные знания, замышления* (проекты) нового человека и *символические описания*, являющиеся, с одной стороны, представлениями, т. е. знаниями, а с другой — событиями. Как знания символические описания характеризуют существующего человека, а как события вовлекают его в определенный тип существования. Не означает ли сказанное, что в психологии, помимо науки, необходимо говорить еще, во-первых, о психологическом проектировании, во-вторых, о психогогике (термин М. Фуко), т. е. о теоретической области, вовлекающей человека в работу над собой и изменением себя.

С идеей психогогике связана и такая важная проблема, как отношение к духовной стороне развития человека. Борис Братусь убежден в том, что новая психология должна быть не только наукой о психике, но и учением о душе. С этой точки зрения, психолог должен печется не только о душевном здоровье человека и психологической помощи, а также о духовном развитии человека, но, естественно, в профессиональной компетенции, ведь психолог — это не священник, и не близкий друг, и не родитель. А вот какую интерпретацию психологическим теориям дает Марк Розин.

«Присмотревшись к наиболее интересным психологическим теориям, можно

заметить, что, не являясь строго научными концепциями, они представляют собой метафорические системы, с помощью которых описана душевная жизнь человека. Эти концепции содержат яркие образы, метафорические сравнения, которые несколько не приближены к научным понятиям, но использование которых дает людям ощущение “инсайта”, “катарсиса”, то есть всего того, что сопутствует чтению художественной литературы. При этом в отличие от обычной художественной литературы психологические концепции предлагают читателю механизм построения собственных “художественных текстов” с использованием “стандартных образов” (человек, освоивший психоанализ, начинает постоянно интерпретировать свое поведение и поведение окружающих людей, то есть импровизационно развивать тему, заданную Фрейдом, используя его образы и метафоры).

«Нет четких критериев, позволяющих сказать, когда человек ведет себя как родитель, а когда как взрослый или ребенок, нет способа подсчета соотношения взрослого и ребенка: эти понятия — суть образы, которые подчиняются законам образности, а не законам научности и оценены могут быть только по художественным критериям. Можно обсудить художественную силу этих образов, но бессмысленно говорить об их “правильности” или “строгости”. Однако нечеткость и неоднозначность психологических понятий окажутся не недостатком, а, напротив, достоинством, если к ним применить правильные критерии. Сделав понятие четким, психологи лишили бы его метафоричности, а значит — люди не смогли бы подхватить психологические образы и сочинить собственные психологические “симфонии”, замешанные на психологии и жизни. Непрописанность и

“ненаучность” психологических понятий позволяет обращаться с ними как с метафорами, и именно в метафоричности и заключена их сила. Исходя из этого, нам представляется разумным изменить ожидания от психологии и соответственно критерии, по которым она оценивается. Психологическую концепцию следует рассматривать как систему метафор, образов, которая позволяет импровизировать на тему человеческой жизни» (Розин, Розин, 1993, с. 25).

Итак, какова природа психологического знания? Что это такое: *знание, метафора, символическое описание, проектная конструкция* (т. е. замысел), *модель* или что-то еще? Возможно ли сочетание в одном психологическом тексте (знании) указанных характеристик?

Еще одна проблема: какой объект изучает психологическая наука — уже *сложившийся* или *становящийся* и *меняющийся*. Если судить по форме психологических знаний, которые являются статическими представлениями и моделями, психолог рассматривает психику как устойчивое образование, как структуру. А фактически мы знаем, что современный человек — это *меняющееся* и *становящееся* существо. Он *меняется*, поскольку вынужден приспособляться к быстрым изменениям социальной среды и условий, поскольку является рефлексивным существом, поскольку на него оказывают воздействия другие люди и СМИ. В одной из последних работ «Лекции о Прусте» наш замечательный философ М.К. Мамардашвили писал, что жизнь не продолжается автоматически, ее возобновление в новых условиях (а у нас они таковы) предполагает работу мысли и поступок.

«...Мы начинаем понимать, — пишет М.К. Мамардашвили, — что это мистическое ощущение есть, конечно, попытка человека вернуться и возобновить некое элементарное чувство жизни как чего-то, по определению, несделанного и незавершенного... Предназначение человека состоит в том, чтобы исполниться по образу и подобию Божьему. Образ и подобие Божье — это символ, поскольку в этой сложной фразе я ввел в определение человеческого предназначения метафизический оттенок, то есть какое-то сверхопытное представление, в данном случае Бога. Но на самом деле я говорю о простой вещи. А именно: человек не создан природой и эволюцией. Человек создается. Непрерывно, снова и снова создается. Создается в истории, с участием его самого, его индивидуальных усилий. И вот эта его непрерывная создаваемость и задана для него в зеркальном отражении самого себя символом “образ и подобие Божье”. То есть человек есть существо, возникновение которого непрерывно возобновляется. С каждым индивидуумом и в каждом индивидууме» (Мамардашвили, 1995, с. 58, 59, 302).

Кстати, человек изменяется и под влиянием психологических практик. Он изменяется, становится, а психологическое знание, понимание психологической реальности совершен-

но не учитывают эти трансформации. Не реагируют психологи и на усиливающуюся критику в адрес того, что многие представители психологического цеха склонны к манипуляциям в отношении человека или к стремлению культивировать болезнь. В этом смысле весь психоанализ может быть рассмотрен в этом ключе как культивирование патологических наклонностей¹. Когда З. Фрейд настаивает на мифе Эдипа, превращая его в фундаментальный закон психического развития человека, разве он не культивирует психическую патологию? Конечно, бывают случаи, когда необходимо понять, что человеком движет страх, или что его поведение представляет собой садизм, или что его наклонности и желания противоречат культурной норме. Но подобное осознание должно служить целям критики, выхода из этих негативно оцениваемых состояний, преодоления их. А не целям культивирования, погружения в эти состояния или утверждения их как естественных и неотъемлемых состояний человека.

Например, психотерапевты утверждают, что надо вытаскивать на свет все, что скрыто сознательно или бессознательно. Это необходимо,

¹ Клод Фриу, обсуждая вклад М. Бахтина, пишет следующее. «Не видеть в диалоге и полифонии ничего, кроме подрывов, разложения, падения, уничтожения и т. п., — это значит невольно обнажить в себе, помимо прочего, настоящую гангрену речи и как бы неожиданную ностальгию — тоску по неподвижности и враждебность ко всякому движению, место которого заступают лишь образы смерти. Озлобленный стиль, характерный для современной лингвистики и психоанализа в целом, хорошо показывает, до какой степени они скрытым образом основываются на пессимистической метафизике. Вкус к аксессуарам романа ужасов — летающим буквам, зеркалам без отражения, лабиринтам и т. п. — не является чем-то случайным» (Фриу, 2010, с. 91–92). Думаю, склонность если не к смерти, то к патологии характерна не только для психоанализа, но и для многих психологических практик.

говорят они, чтобы помочь человеку. Однако наблюдения показывают, что только в некоторых случаях осознание скрываемого или неосознаваемого помогает в решении наших проблем. И вот почему. Начиная с античности складывается личность, т. е. человек действующий самостоятельно, сам выстраивающий свою жизнь. Появление личности влечет за собой как формирование внутреннего мира человека, так и стремление закрыть от общества какие-то стороны жизни личности. Действительно, поскольку личность выстраивает свою жизнь сама и ее внутренний мир не совпадает с тем, который контролирует социум, личность вынуждена защищать свой мир и поведение от экспансии и нормирования со стороны социальных институтов. В этом отношении закрытые зоны и области сознания и личной жизни являются необходимым условием культурного существования современного человека как личности.

Другое дело, если личность развивается в таком направлении, она или становится опасной для общества, или страдает сама. В этом случае, безусловно, выявление внутренних структур, ответственных за асоциальное или неэффективное поведение, является совершенно необходимым. Однако здесь есть проблема: как узнать, какие, собственно говоря, скрываемые или неосознаваемые структуры обуславливают асоциальное или неэффективное поведение, как их опознать и выявить, всегда ли их можно выявить вообще? Конечно, каждая психологическая школа или направление отвечают на эти вопросы, но все по-разному; к тому же убедить других психологов в правиль-

ности своей точки зрения и подхода никому не удается.

Поэтому психологи-практики пошли другим путем: утверждают, что нужно выявлять и описывать все возможные неосознаваемые и скрываемые человеком структуры сознания, что это всегда полезно и много дает. На мой взгляд, подобный подход весьма сомнителен и создает, прежде всего, новые проблемы. Зачем, спрашивается, раскрывать внутренний мир человека в надежде найти и те структуры, которые создали какие-то проблемы, если при этом обнажаются и травмируются структуры сознания, которые как раз должны быть закрытыми? Например, человек стыдится открывать свою интимную жизнь, прячет ее от чужих глаз. Современные культурологические исследования показывают, что это совершенно необходимо для нормальной жизни личности, например, для возникновения любви в отличие, скажем, от секса. Если же интимная жизнь человека выставляется на публичное обозрение (неважно где, на телеэкране или в психотерапевтической группе), то возникновение фрустраций и других проблем обеспечено. Другой вариант: личность деформируется и фактически распадается, человек превращается в субъекта массовой культуры.

Можно продолжать и дальше выявлять и обсуждать проблемы, стоящие в психологии, но думаю, что мысль понятна: да, я считаю и согласен в очередной раз с тем, что психология переживает глубокий кризис. Выступая недавно в связи с годовщиной Московского общества психологов, я с некоторым удивлением понял, что большинство психологов

так не думают: такое впечатление, что они вполне довольны и собой и состоянием дел в психологии. Алармическая тревожность, видная в статьях В. Зинченко и Ф. Василюка, свойственна только единицам. Но как известно, «лицом к лицу лица не увидеть, большое видится на расстоянии»; возможно, кризис в психологии лучше виден со стороны нам, философам. В каком же направлении может идти работа, направленная на преодоление кризисных явлений?

Вряд ли можно вернуться к программе Л.С. Выготского 1927 г., предлагавшего преодоление кризиса на путях естественно-научной психологии, хотя многие психологи с удовольствием это сделали бы. Например, поднимая, как флаг, тезис о полипарадигмальности, о необходимости признания разных направлений и школ психологической науки, по-разному трактующих психику, Т. Корнилова и С. Смирнов в своей книге тут же возвращаются к обсуждению вопроса о единой общепсихологической концепции, намекая, что теория деятельности, обновленная на основе феноменологии, аналитической философии сознания, когнитивной психологии, вполне может выступить в роли общепсихологической концепции. Признавая, что эксперимент в психологии предполагает вмешательство в психику и ее трансформацию, авторы книги постоянно говорят о том, что психологический эксперимент призван раскрыть то, что в психике существуют, прежде всего, причинно-следственные отношения.

Особенно их привлекает предлагаемая академиком В.С. Степиным классификация этапов развития

науки (естествознания) на классический, неклассический и постнеклассический. И понятно почему. С одной стороны, В.С. Степин образцом науки считает естествознание, с другой — предлагает на основе системного подхода и синергетики так расширить и переосмыслить (обновить) понимание естествознания, чтобы в него можно было включить ценности, историю, культуру и тем самым снять саму оппозицию естественных и гуманитарных (социальных) наук. Этот замысел очень подходит Т. Корниловой и С. Смирнову, позволяя, с одной стороны, настаивать на необходимости сохранения — именно на современном отрезке неклассического и постнеклассического этапа развития психологической науки — естественно-научной установки, с другой — проводить, так сказать, «либеральные когнитивные ценности», т. е. признавать разные психологические школы и направления.

«Постепенно, — пишут они, — стираются жесткие границы между картинами реальности, выстраиваемыми различными науками, и появляются фрагменты целостной общенаучной картины мира. Новые возможности полидисциплинарных исследований позволяют делать их объектами сверхсложные уникальные системы, характеризующиеся открытостью и саморазвитием. Наиболее сложные и перспективные исследования имеют дело с исторически развивающимися системами... Саморазвивающиеся системы характеризуются синергетическими эффектами и принципиальной необратимостью процессов... Постнеклассическая наука — современная стадия в развитии научного знания, добавляющая к идеалам неклассической науки требования учета ценностно-целевых установок

ученого и его личности в целом» (Корнилова, Смирнов, 2008, с. 66–67).

Какая удобная позиция. Не надо менять характер и установки своего мышления, можно закрыть глаза на критику В. Дильтея и других философов и психологов, а в теоретические построения можно включать все что угодно. Подобно тому, как это происходит в когнитивной психологии. Вот уж где царит ничем не управляемое мозаичное и эклектическое мышление! Полная свобода от логики и последовательной мысли.

Защищая естественно-научный подход в психологии, Т. Корнилова и С. Смирнов выстраивают три «вала» обороны: отстаивают концепцию причинности (детерминизма), категорию закона и понимание эксперимента как основного метода обоснования психологической теории. Фактически им приходится защищать и психологическую концепцию деятельности, поскольку ряд российских психологов считают, что именно в ней указанные принципы были проведены наиболее последовательно.

Думаю, для психологов не годится и рецепт моего бывшего учителя Г.П. Щедровицкого — отрефлексировать все основные деятельности и способы мышления, сложившиеся в психологии, и переорганизовать их на новой основе методологической теории мыследеятельности (эту программу развития психологии Г.П. Щедровицкий изложил в 1981 г.). На мой взгляд, слабость предложенного Г.П. Щедровицким пути проистекает, во-первых, из отсутствия заинтересованной кооперации с психологами, во-вторых, недостаточного знания проблем, стоящих в психоло-

гии, в-третьих, характера установок самой методологии науки в варианте Г.П. Щедровицкого. Методологию Г.П. Щедровицкого я назвал «панметодологией», противопоставив ей «методологию с ограниченной ответственностью», основанную на гуманитарном подходе и культурологии (Розин, 2005, с. 297–310). На еще одно обстоятельство указывает А.А. Пузырей. «Идея методологической организации психологии как сферы МД (мыследеятельности. — В.Р.) не входит “ни в какие ворота” психологии... Причем — как это ни парадоксально! — не только в ворота собственно научной психологии, но также и так называемой практической... Методология “потонула” и “растворилась” в игровом движении, была поглощена и “подмята” им» (Пузырей, 1997, с. 125–126).

Вряд ли можно и ничего не делать, считая, что пусть все идет само собой, как идет. Само собой будет продолжаться только дальнейшее обособление психологической науки и практики, разделение психологии на естественно-научную и гуманитарную, все большее расхождение во взглядах разных психологических школ и направлений (как теоретических, так и практических). Само собой будет происходить и дальнейшее снижение культуры мышления психологов, их, так сказать, методологическое одичание.

На мой взгляд, выход состоял бы в том, чтобы началось встречное движение с двух сторон: *от частной, гуманитарно ориентированной методологии* (как раздела философии) и *от представителей самого цеха, заинтересованных в изменениях*. При этом желательно, чтобы участники

изменений (психолог и философ) прислушивались друг к другу, корректируя свои предложения. Теперь конкретно о психологической реальности.

Психологическая реальность — это *предельное онтологическое основание*, которое психолог кладет в реальность, которое обеспечивает для него *понимание человека и собственных действий* как в *плане познания*, так и *практического воздействия*. С методологической точки зрения такое онтологическое основание не может быть задано раз и навсегда; напротив, периодически оно нуждается в критическом осмыслении и пересмотре. Именно такова современная ситуация.

Действительно, современный психолог имеет дело с множеством культур и субкультур, конституирующих человека, с множеством социальных практик, «выделяющих» (формирующих) человека (причем среди этих практик все большее значение приобретают собственно психологические). Мы живем в эпоху перемен (перехода); как пишет известный российский философ С.С. Неретина, из нашего умозрения «выскользнула старая реальность, а новая еще не опознана, отчего познание не может быть определяющим, скорее его можно назвать переживающим» (Неретина, 2005, с. 247, 258, 260, 273).

С одной стороны, традиционная, сложившаяся в прошлые века технологическая реальность охвачена кризисом, с другой — она, реагируя на изменяющиеся условия жизни, вновь и вновь воссоздает себя и даже экспандирует на новые области жизни. В результате не только воспроизво-

дятся старые формы социальной жизни, но и складываются новые. Налицо противоположные тенденции: процессы глобализации и дифференциации; возникновение новых социальных индивидуумов, новых форм социальности (сетевые сообщества, корпорации, мегакультуры и пр.) и кристаллизация общих социальных условий; обособление, автономия вплоть до коллапса (постмодернизм) и появление сетей взаимозависимостей; «твердая современность» и «жидкая».

В этих трансформациях налицо изменение и феномена человека. Происходит его дивергенция, складываются разные типы массовой личности, которые поляризуются, проходя путь от традиционной целостной константной личности через личность гибкую, периодически заново устанавливающуюся до личности непрерывно меняющейся, исчезающей и возникающей в новом качестве (облике).

Спрашивается, имея в виду эту сложную и новую ситуацию, что мы должны положить в реальность как предельное онтологическое основание для психологии? Чтобы понять хотя бы, в каком направлении искать, подумаем над установками психологов.

Хотя многие психологи утверждают, что психология представляет собой знания о человеке как таковом (наука) или задает универсальные методы воздействия (практика), анализ показывает следующее.

– Психолог выступает не от лица всеобщего абсолютного субъекта познания или практического действия, а от *себя лично* и того *частного общества*, той *частной практики*,

в которые он входит, представления которых разделяет².

– Психолог действительно имеет в виду не человека в истории и в разных культурах, а *человека современного*, часто только *личность*. Потому личность, что только она сознательно обращается к психологии. Личность как человек, действующий самостоятельно, пытающийся выстраивать свою жизнь, нуждается в знаниях, схемах и практиках, которые и поставляет психология. Поэтому, в частности, хотя российские психологи на словах за культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского, на деле не могут ее принять.

– Психолог придерживается традиций своего цеха, что предполагает установки на *научность и рациональность*, на понимание человека как *самостоятельного объекта и реальности* (в этом плане психолог инстинктивно не хочет рассматривать человека как включенного в культуру или историю, как принципиально обусловленного социокультурными и историческими обстоятельствами). Стоит признать, что в традицию психологии входит и разное отношение к человеку: как *к природному явлению* (естественно-научный подход) и

как *явлению духа или личности, понимаемой гуманитарно*.

– В эпистемологическом отношении психолог установлен на оперативность и модельность знания, поэтому он создает только *частичные представления* о психике. Сложные же, гетерогенные представления, развертываемые в некоторых психологических концепциях личности, не позволяют строить оперативные модели. Но частичность психологических представлений и схем как естественная плата за научность предполагает удержание целостности и жизни, на что в свое время указывали В. Дильтей, а позднее М. Бахтин и С. Аверинцев.

«Научное знание, — отмечает Сергей Аверинцев, — есть, вообще говоря, частное знание... каждая научная дисциплина в соответствии с возложенными на себя законами методической строгости снимает с реальности некую проекцию на свою плоскость и вынуждена вести будничную работу именно с этой проекцией... Если умственному усилию, затраченному на технически правильное снятие проекции, не ответит равновеликое усилие, направленное на восчувствование онтологического приоритета реальности сравнительно с проекцией, как бы

² Сравни. «Долгое время, — пишет М. Фуко, — так называемый “левый” интеллектуал брал слово — и право на это за ним признавалось — как тот, кто распоряжается истиной и справедливостью. Его слушали — или он претендовал на то, чтобы его слушали, — как того, кто представляет универсальное. Быть интеллектуалом — это означало быть немного сознанием всех. Думаю, что здесь имели дело с идеей, перенесенной из марксизма, причем марксизма опошленного... Вот уже многие годы, однако, интеллектуала больше не просят играть эту роль. Между теорией и практикой установился новый способ связи. Для интеллектуалов стало привычным работать не в сфере универсального, выступающего образцом, справедливого-и-истинного-для-всех, но в определенных секторах, в конкретных точках, там, где они оказываются либо в силу условий работы, либо в силу условий жизни (жилье, больница, приют, лаборатория, университет, семейные или сексуальные отношения)» (Фуко, 1996, с. 391).

нам не оказаться в фиктивном мире схем, вышедших из своей инструментальной роли и узурпировавших противоположанную им автономию... Верховный императив гуманитарного мышления, гласящий “увидеть, вникнуть, не исказить”, вытесняется покинувшим свои законные пределы императивом инженерно-устройющего мышления, который требует изобретений, конструкций, схем, решительной борьбы с “косным” сопротивлением реальности. Вот когда гуманитарии нужны мыслители, мысль которых призвана отстоять для нее, гуманитарии, не только права на своеобычность, но само бытие предмета» (Аверинцев, 2010, с. 96).

Если принять перечисленные выше установки (мы указали только главные) и учитывать особенности современной ситуации (особенности модернизировать), то как в этом случае можно помыслить психическую реальность. Например, можно ли ее считать единой реальностью для всех направлений и школ психологии или только для определенных? Если согласиться со вторым вариантом, то что, спрашивается тогда, объединяет всех психологов? Может быть, не общая онтология, а *коммуникация* и методология? В таком случае, какая коммуникация и какая методология? Вспомним в связи с этим программу Л.С. Выготского.

«Общая психология, — пишет Л.С. Выготский, — следовательно, определяется Бинсвангером как критическое осмысление основных понятий психологии, кратко — как “критика психологии”. Она есть ветвь общей методологии... Это рассуждение, сделанное на основе формально-логических предпосылок, верно только наполовину. Верно, что общая наука есть учение о последних основах, общих принципах и проблемах данной области

знания и что, следовательно, ее предмет, способ исследования, критерии, задачи иные, чем у специальных дисциплин. Но неверно, будто она есть только часть логики, только логическая дисциплина, что общая биология — уже не биологическая дисциплина, а логическая, что общая психология перестает быть психологией... даже самому отвлеченному, последнему понятию соответствует какая-то черта действительности» (Выготский, 1982, с. 310, 312).

Понятно, почему Л.С. Выготский возражает Л. Бинсвангеру: с точки зрения естественно-научного идеала синтез отдельных научных теорий осуществляет не методология, а «основания науки», т. е. дисциплина предметная, естественно-научная, однако более общего (самого общего) порядка. Кстати, именно этот вариант синтеза психологических знаний и предметов реализовал А.Н. Леонтьев, построив психологическую науку на основе представлений о деятельности. Деятельность в концепции А.Н. Леонтьева — это и есть как раз та самая идея и объяснительный принцип, которым все еще соответствует «психологическая черта действительности». Однако известно, что сойтись в трактовке единой психологической черты действительности психологам не удалось, таких черт оказалось много.

Заканчивая, хочу сказать, что многое в решении поставленных вопросов зависит от того, как психологи будут самоопределяться в современной ситуации. Пойдут ли они, например, на критическое осмысление своей истории и работы. Как они будут реагировать на вызовы современности. На какое будущее будут ориентироваться: поддерживать техногенную

цивилизацию или способствовать становлению новой жизни, работать на удовлетворение все возрастающих требований и потребностей ново-европейской личности, обслуживая

«машины желаний», или способствовать жизни, может быть, и более бедной в плане возможностей и комфорта, но зато более здоровой и духовной.

Литература

- Аверинцев С.С.* Личность и талант ученого // Михаил Михайлович Бахтин (Философия России второй половины XX в.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С.93–101.
- Бенхабиб С.* Притязания культуры: Равенство и разнообразие в глобальную эпоху. М., 2003.
- Васильюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.
- Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. В 6 т. М., 1982. Т. 1.
- Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Собр. соч. В 6 т. М., 1983. Т. 3.
- Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2008.
- Малявин В.В.* Выступление на заседании корпоративного клуба «РЕНОВА». Предприниматель и корпорация. 7 июля 2004 года // К философии корпоративного развития. М., 2006.
- Мамардашвили М.* Лекции о Прусте. М., 1995.
- Неретина С.С.* Точки на зрении. СПб., 2005.
- Пузырей А.А.* Комментарии к статье Щедровицкого Г.П. Методологическая организация сферы психологии // Вопросы методологии. 1997. № 1–2.
- Розин В.М.* Методология: Становление и современное состояние. М., 2005.
- Розин В.М.* Наука: Происхождение, развитие, типология, новая концептуализация. М.; Воронеж, 2007.
- Розин В.М., Розин М.В.* О психологии и не только о ней // Знание-сила. 1993. № 4.
- Фриу К.* Бахтин до нас и после нас // Михаил Михайлович Бахтин (Философия России второй половины XX в.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.
- Фуко М.* Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.